

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р.Х. Галиуллина, К.А. Ильина

**«УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ»
УЧЕНОГО СОСЛОВИЯ
(ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)**

Препринт WP6/2012/02
Серия WP6

Гуманитарные исследования

Москва
2012

УДК 050:378
ББК 74.58я5
Г15

Редактор серии WP6
«Гуманитарные исследования»
И.М. Савельева

Г15 **Галиуллина, Р. Х., Ильина, К. А.** «Ученые записки» ученого сословия (первая половина XIX века) : препринт WP6/2012/02 [Текст] / Р. Х. Галиуллина, К. А. Ильина ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 44 с. – 150 экз.

В данной статье история университетских изданий рассматривается как история практик государственного управления, корпоративной саморегуляции, профессиональной самоорганизации и нормализации разных сфер университетской жизни. Исследование проведено на основе делопроизводственных документов, сохранившихся в архивах Московского и Казанского университетов, а также в Министерстве народного просвещения и отделах рукописей. Эти документы зафиксировали намерения издателей, обстоятельства и условия выхода университетских газет и журналов первой половины XIX века. Еще один комплекс источников образуют редакционные статьи и научные публикации университетских изданий. Авторам удалось проследить, как журнальная политика власти и инициативы профессоров влияли на конфигурацию университетского сообщества, установившиеся в нем иерархии и критерии оценок, как стимулировали научную конкуренцию и развитие репутационного сознания.

УДК 050:378
ББК 74.58я5

Галиуллина Руфия Хазибовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России.

Ильина Кира Андреевна – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник ИГИТИ Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Galiullina, R., Ilina, K. Proceedings of the University' ('Uchenie zapiski') by the intellectual estate ('uchenogo sosloviya') (the first half of the 19th century) : Working paper WP6/2012/02 [Text] / R. Galiullina, K. Ilina ; National Research University "Higher School of Economics". – Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. – 44 p. – 150 copies.

In this article history of university periodicals is approached as a history of practices of state administration, self-regulation of university corporation, professional self-organization, and normalization of different aspects of the university life. Research for this article has been carried out in the archives of Moscow University and Kazan University, and in the manuscript divisions of these universities' libraries, as well as in the Archive of the Ministry of Public Education. Documents preserved in these collections reveal intentions of the publishers and circumstances surrounding the appearance of various periodicals in the first half of the nineteenth century. Another group of historical sources analyzed in this article consists of publications in university periodicals themselves. The authors show how the state policies regulating the market of the university press, on the one hand, and initiatives of university professors, on the other, influenced the configuration of the corporation of the university faculty, its internal hierarchies and accepted criteria of academic excellence. The article seeks to answer the question how politics and content of university journalism stimulated academic competition and created reputations.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Галиуллина Р. Х., 2012
© Ильина К. А., 2012
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2012

Российские университеты обладают богатым опытом издательской деятельности и знают как использовать журналы не только для просветительских нужд, но и для поддержания и изменения корпоративных иерархий¹. Судя по проанализированным нами источникам, этот исторический опыт университетские люди обретали в тесном взаимодействии с чиновниками Министерства народного просвещения: иногда, будучи объектами применения административных инициатив, а иногда в качестве инициаторов модернизации университетской жизни. В этом отношении история университетских изданий может быть описана как история практик государственного управления, корпоративной саморегуляции, профессиональной самоорганизации и нормализации разных сфер университетской жизни.

В таком аспекте научные периодические издания еще не привлекали внимания университетских историков. В рамках функционально-институционального подхода и позитивистской парадигмы исследований журналы, альманахи и ежегодники рассматривались исключительно как информационные ресурсы для реконструкции процесса развития национальной науки и просветительской деятельности конкретных университетов. В отдельных случаях усилиями библиографов созданы именные и предметные указатели и аннотированные описания таких изданий². Но целостного представления об издательской политике, а также о роли журналов в оформлении университетского сообщества Российской империи до сих пор нет. Данная статья призвана хотя бы отчасти заполнить эту лауну.

Наше исследование проведено на основе сохранившихся в архивах Московского (Центральный исторический архив Москвы, фонды 418

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Культура университетской памяти в России: механизмы формирования и сохранения», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 году.

² Систематический указатель к «Ученым запискам Московского университета» (1833–1961) / сост. М.И. Гуревич; отв. ред. В.Л. Бирзович. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969; «Казанский вестник» (1821–1833): указатель содержания / сост. В.Г. Салова, В.И. Шишкин, Ж.В. Щелыванова; вступ. статья Е.А. Вишленковой. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003; Указатель статей, напечатанных в «Ученых записках» Казанского университета за время 1834–1899 года включительно / вступ. статья Ф. М[иценко]. Казань: Типолитография имп. ун-та, 1900.

и 459) и Казанского (Национальный архив Республики Татарстан, фонд 92 и 977) университетов, а также в Министерстве народного просвещения (Российский государственный исторический архив, фонд 733), отделах рукописей (в частности, Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, фонд 531) делопроизводственных документов, которые зафиксировали намерения издателей, обстоятельства и условия выхода университетских газет и журналов первой половины XIX века. Еще один комплекс источников образуют редакционные статьи и научные публикации, составляющие содержание данных изданий.

Издания ученого ведомства

Учреждение в 1802 году Министерства народного просвещения было явной данью императора Александра I идеям Просвещения. Поначалу новое «ученое ведомство» управляло университетами и приписанными к ним училищами учебных округов, но потом сфера полномочий его расширилась и стала включать Публичную библиотеку, Академию наук, научные общества, медико-хирургические академии и повивальные институты. Подобно тому, как это делало Министерство внутренних дел, ведомство просвещения с самого начала своего существования освещало свою деятельность в ведомственном журнале³. На его страницах оно объясняло отечественным и зарубежным читателям логику правительственных решений и призывало подданных к содействию властям (прежде всего материальному) в деле просвещения страны. Для всех университетов и училищ подписка на министерское издание была обязательной.

Параллельно с этим с 1805 года в Москве стала выходить университетская газета «Московские ученые ведомости», которая заменила общественно-политическое издание «Московские ведомости» (1756–1802). Инициатором такого преобразования исследователи считают товарища министра народного просвещения, первого попечителя Московского университета М.Н. Муравьева. С января 1805 и до 1807 года (времени его смерти) «Московские ученые ведомости» возглавлял выпускник Геттингенского университета, профессор Московского университета И.Ф. Буле. В этой работе ему помогали коллеги – лектор немецкой словесности

³ В 1803–1819 годах выходили «Периодические сочинения об успехах народного просвещения», в 1821–1824 годах – «Журнал Департамента народного просвещения», в 1825, 1827, 1829 годах – «Записки, издаваемые от Департамента народного просвещения».

Я.И. Санглен (издатель журнала «Аврора» (1806–1807) и магистр философии и свободных наук Н.Ф. Кошанский.

В отличие от прочих университетских изданий того времени, публикации газеты Московского университета часто и в разной связи анализировались исследователями⁴. Прагматический (для изучения иных тем) и фрагментарный характер таких обращений способствовал тому, что долгое время это издание считалось продолжающимся с 1756 года и неизменным в жанровом отношении (И.М. Снегирев, В.Ф. Корш, С.П. Шевырев, О.В. Минаева). И только в последние годы историки согласились, что «Московские ведомости» и «Московские ученые ведомости» вряд ли стоит рассматривать как одно и то же издание (А.Ю. Андреев, Л.Л. Волкова и О.В. Андреева, А.А. Гречихин, В.М. Смекалина, А.М. Хлопников).

В вопросе же о том, что стало образцом для московской ученой газеты, есть два мнения: О.В. Минаева считает, что это, скорее всего, выпускаемые Петербургской Академией наук «Санкт-Петербургские ученые записки» (1777–1779), а А.Ю. Андреев и В.М. Смекалина указывают на «Геттингенские ученые ведомости» («Göttingische Gelehrte Anzeigen»). Есть разночтения исследователей и в оценке жанровой специфики издания: Р.Н. Клейменова и А.М. Хлопников заверяют, что журнал специализировался на научном рецензировании исследований, а А.А. Гречихин, Л.Л. Волкова и О.В. Андреева определяют издательскую специфику «ученой газеты» как библиографическое описание научных и литературных новинок.

⁴ См.: Андреев А.Ю. «Геттингенская душа» Московского университета (из истории научных взаимосвязей Москвы и Геттингена в начале XIX столетия) // Вопросы истории, естествознания и техники. 2000. № 2. С. 71–113; Волкова Л.Л., Андреева О.В. Книговедческая периодика: учебное пособие. М.: Изд-во МГУП «Мир книги», 1998; Гречихин А.А. Общая библиография: учебник для вузов. М.: Изд-во МГУП, 2000; Клейменова Р.Н. Книжная Москва первой половины XIX века. М.: Наука, 1991; Корш В.Ф. Столетие «Московских ведомостей» (1756–1856). М., 1857; Круглов А.Н. Раннее кантианство в России: И.В.Л. Мельман и И.Ф. Буле // Кантовский сборник. Калининград, 2010. № 2 (32). С. 39–51; Смекалина В.В. Образ европейской науки на страницах газеты «Московские ученые ведомости»: университетская газета как средство интеллектуального трансфера // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2. История. История Русской Православной Церкви. 2012. № 1. С. 28–39; Хлопников А.М. Русскоязычные труды профессора Московского университета И.Ф. Буле // История философии (Вып. 2). М.: Изд-во ИФ РАН, 1998. С.181–137; Он же. Н.Ф. Кошанский и его время // История философии (Вып. 6). М.: Изд-во ИФ РАН. С. 118–142; Шевырев С.П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею, 1755–1855. М., 1855.

Сам Буле в редакционной статье 23 декабря 1804 года писал, что цель обновленного университетского издания «состоит в том, чтоб историческим порядком познакомить соотечественников наших с содержанием новейших, важнейших и интереснейших творений как собственно российских, так иностранных писателей. Ученые сии ведомости заключать в себе будут всю новейшую литературу, не наполняя однакож их одними только реестрами нововыходящих книг; – что само по себе показалось бы крайне странно, при великом количестве дурных, маловажного содержания и ничтожных творений, кои ежегодно наполняют литературой рынок, было бы и совершенно противно нашей цели; – а сообщаемо в них будет то только, что известным быть достойно, что истинно полезно и образованию соотчичей, и распространению наук и художеств»⁵. То есть редактор явно намеревался посвятить «Московские ученые ведомости» библиографическим обзорам научных и литературных новинок, вышедших в разных странах.

Этому направлению редакция следовала три года. За это время Буле опубликовал около 200 аннотаций к научным и литературным трудам⁶.

⁵ Объявление о «Московских ученых ведомостях» // Прибавление к № 105 «Московских ведомостей». 1804. 23 декабря (№ 105). С. 2.

⁶ Презентация научных публикаций иностранных и российских ученых была построена по следующему образцу. Давалось библиографическое описание на языке публикации, затем через союз «То есть» – перевод на русском языке, затем краткая аннотация содержания. Работа академика А.-Л. Шлëцера открывала серию подобных описаний. См.: Несторъ. *Russische Annalen in ihrer slavischen GrundSprache verglichen, übersetzt und erklärt von August Ludwig Schläzer D. Hofrath und Professor in Göttingen, zwey Theile, Göttingen bei Heinrich Deiterich 1802, 8.* То есть: Русские летописи, на коренном славянском языке, сравнены, переведены и объяснены Августом Людвигом Шлецером (Великобританским) надворным советником, геттингенским профессором (и рос. орд. св. Владимира 4 степ. кавалером) в 2 частях, в 8-ю долю листа. На немецк. яз. напечат. в Геттингене 1802 года, в типографии у Генр. Дитриха // Московские ученые ведомости. 1805. 7 января (№ 1). С. 5–7, 25–30; *Enumeratio plantarum, quae in horto Excellentissimi Comitibus Alexii a Razumovsky, Augustissimi omnium Rossiarum Imperatoris a Consiliis Secretioribus, Imperii Senatoris, Cubicularii rel. in pago Mosquensi Gorinka vigent. 1805. 72 p. in 8.* То есть: Исчисление растений, находящихся в саду Его Сиятельства, тайного советника, сенатора, камергера, графа Алексея Кирилловича Разумовского, в подмосковной его деревне Горенках. 1805. 72 стр. в 8 долю // Московские ученые ведомости. 1805. 14 января (№ 2). С. 9–11; *Principes élémentaires d'Économie politique par Chrétien de Schlötzer, Docteur en Droit l'Université de Göttingue, Conseiller de Cour de Sa Majesté l'Empereur et Professeur des de sciences politiques à l' Université de Moscou. A Mitau. T. 1. 1804. 8 (pag. 135).* То есть: Основания политической экономии; сочин. Христиана Шлецера, Доктора Прав, надворного советника и профессора политических наук в Московском Университете. Печат. в Митаве. Часть первая. В 8 долю листа 1804 на 135 страницах // Московские ученые

Часть их он подписал полным своим именем, часть – сокращенно – «I. Th.», а часть выпустил анонимно. Без помощи коллег, без навыка писать по-русски профессору античной философии было трудно обеспечить регулярность и качество таких обзоров. Для того, чтобы «ученая газета» появлялась каждую субботу, он был обречен на интенсивный труд – выписывал в Москву зарубежные научные труды на латыни, французском, немецком и английском языках по астрономии, математике, физике, химии, натуральной истории, всемирной и российской истории, словесности, изящным искусствам, прочитывал их и составлял аннотированные описания. В силу гуманитарной специализации редактора его обзоры исследований в области естественных и точных наук не были в строгом смысле слова научными рецензиями.

Ученым коллегам, особенно служившим немецкой науке, он объяснил отступление московской научной газеты от университетского журнального канона так: «Рецензии не редко, как например в Немецких Ученых Ведомостях, превращаются в продолжительные рассуждения, в которых рецензент своею критикой поучает и забавляет более себя, нежели публику [...] Однакож из рецензии “Московских ученых ведомостей” критика совершенно не исключается; но она только касаться будет до предмета и содержания книги вообще, и до того, основательно ли предлагаемая в нем материя обработана. Чтож принадлежит до действительных, или мнимых ошибок, или заблуждений сочинителя, упомянется только о тех, открытие и исправление которых уже дальнейшему раздроблению подвергать будет не нужно»⁷.

Это заявление не значило, что Буле отрицал научную значимость рецензий. Просто он желал сделать свои обзоры образцом университетской

ведомости. 1805. 14 генваря (№ 2). С. 11–13; Cours historique de Peinture, ou Galerie complète du Muséum central de France, contenant les Tableaux, Statues, Bas-Reliefs, grave par les meilleurs Artistes en chaque genre le tout accompagné d'un Texte descriptif et raisonné sur chaque objet, et d'un Abrégé de la vie des Maîtres, par une Société d'Amateurs et d'Artistes. Livraisons XIII. À Paris; An. X–XII (1801–1804) chez Filhol, Artiste-Graveur et Editeur; gr 8 vo. То есть: Курс живописи, в коем предлагаются история и начальные правила оной, или полная галерея Центрального французского музея, содержащие в себе картины, статуи, барельефы, гравированные лучшими во всех родах артистами, с подробным описанием всякого предмета, и прибавлением краткой Биографии славных мастеров, – изданный Обществом любителей и артистов, в XIII тетрадах в Париже; X–XII год (1801–1804). Грав. Филголя, артиста-гравера и издателя; в 8-ю долю листа // Московские ученые ведомости. 1805. 14 генваря (№ 2). С. 9–11; там же. 4 февраля (№ 5). С. 33–37.

⁷Объявление о «Московских ученых ведомостях» // Прибавление к № 105 «Московских ведомостей». 1804. 23 декабря (№ 105). С. 2.

академической культуры, этическим уроком уважения к коллегам. Поэтому редактор обещал, что «“Московские ученые ведомости” стараться будут в рецензиях своих говорить таким тоном, который бы означал ученость, хороший вкус и вежливость. [...] Они никогда не позволят ни колкой сатиры, на насмешки против писателей, особливо своих соотчичей. Против иностранцев же, кои может быть сами подадут повод к строжайшей критике, тон писания будет свободнее и вольнее: ибо здесь каждый пользуется правом национального воздаяния»⁸.

В «Московских ученых ведомостях» публиковались сообщения о деятельности научных обществ, академий и университетов, об исследовательской работе отдельных ученых. Они же сообщали об объявленных конкурсах по решению ученых задач и их победителях⁹.

В «Прибавлении к “Московским ученым ведомостям”» публиковались правительственные указы и распоряжения, касающиеся Московского университета, объявления о публичных лекциях и прочих научных событиях (сообщения о состоянии Московского университета, составе учащихся и преподавателей, об университетских музеях и библиотеке, меценатах; торжественных собраниях, знаменательных событиях). Булле называл «Прибавления» «летописью» Московского университета¹⁰.

⁸ Объявление о «Московских ученых ведомостях» // Прибавление к № 105 «Московских ведомостей». 1804. 23 декабря (№ 105). С. 3.

⁹ Например, 14 января 1805 года в разделе «Известия» газеты «Московские ученые ведомости» на французском и русском языках было объявлено задание Императорской Санкт-Петербургской Академии с обещанным вознаграждением в 500 рублей за трактат, в котором должно было содержаться «Собрание новых наставительнейших опытов о свете, рассуждаемом так как материи; о свойствах, по праву ему приписываемых; о родственности, которую он по-видимому имеет с другими органическими и неорганическими телами; об изменениях и феноменах, которые обнаруживаются чрез соединение с материей света. [...] Рассуждения могут быть писаны на русском, французском, аглинском, немецком и латинском языке, и должны быть присланы к 1 мая 1806 года к бессменному секретарю Академии, именован в запечатанном пакете и с девизом на пакете и сочинении». См.: Московские ученые ведомости. 1805. 14 января (№ 2). С. 14.

В этом же разделе сообщалось о результатах конкурса по истории метеорологии, объявленного в 1802 году профессором Геттингенского Ученого общества И.Ф. Булле. Общество сообщало, что получило один только ответ от метеоролога, корреспондента Французского Института господина Луи Котт (фр. – Louis Cotte), который ответил «только на половину задания, соответственно и Общество определило только половину вознаграждения – 25 червонцев». См.: Московские ученые ведомости. 1805. 14 января (№ 2). С. 16.

¹⁰ Объявление о «Московских ученых ведомостях» // Прибавление к № 105 «Московских ведомостей». 1804. 23 декабря (№ 105). С. 4.

После учреждения в начале XIX века в России целой сети высших школ и привязанных к ним учебных округов в провинциальных университетских городах тоже появились периодические издания. Сегодня историки журналистики считают их первыми провинциальными газетами и журналами. За два десятилетия XIX века университеты Москвы, Казани и Харькова выпустили целую обойму периодических изданий научно-просветительского характера: «Минерва: журнал российской и иностранной словесности», «Записки и труды Общества истории и древностей российских, учрежденного при императорском Московском университете»; «Медико-физический журнал или Труды высочайше утвержденного при Московском императорском университете Общества соревнования врачебных и физических наук»; «Харьковский еженедельник», «Украинский домовод», «Украинский вестник», «Украинский журнал», «Труды Общества наук, состоящего при императорском Харьковском университете», «Казанские известия», «Казанский вестник». Как правило, они объединяли профессоров, адъюнктов и местных любителей старины, изящного, словесности и учености, то есть предтеч будущих краеведов. У каждого издания было тогда свое лицо, а у его редакции собственные представления о требованиях к публикуемой продукции.

Так, выпуская с 1811 по 1820 год газету «Казанские известия», университетская редакция ориентировалась на интересы широкого читателя. Об этом свидетельствует тематика подготовленных публикаций, популярный язык и ареал распространения издания¹¹. Кажется, впервые намерение сфокусировать издание на «профессиональную аудиторию», то есть чиновников министерства и ученое сословие, высказал казанский попечитель М.Л. Магницкий. В этой связи газета «Казанские известия» была закрыта и вместо нее появились журнал «Казанский вестник» (1820–1833) и газета «Прибавления к “Казанскому вестнику”» (1820–1833). В журнале публиковались отчеты профессоров об исследовании учебного округа и переводы западных ученых, а в газете – творчество министерских чиновников, то есть «узаконения для руководства чиновникам Казанского учебного округа». Впоследствии она стала наполняться еще и «политическими известиями и вообще статьями, которых главная занимательность зависит от новости их».

¹¹ Первый выпуск «Казанских известий» датируется 19 апреля 1811 года. Первые 18 выпусков издавались в типографии губернского правления. 19-й номер был опубликован в университетской типографии (22 августа 1811 года).

Журнал выходил ежемесячно. Попечитель требовал от издательского комитета присылать экземпляры «Вестника» в столичные министерства, в некоторые западные университеты, а также во все учебные заведения округа. В свою очередь, школьные учителя административными мерами обязывались прочитывать публикации «Вестника»¹². В отчете Казанского университета за 1821 год Магницкий писал: «Учреждено с Высочайшего утверждения издание при университете “Казанского вестника”, дабы соединить в полезном единомыслии все ведомства округа, одобрить успехи отечественной словесности и сделать повсеместными новейшие учебные известия»¹³.

Журнал имел довольно простую структуру. Он состоял из двух разделов: I. Начальственные распоряжения, к училищному устройству относящиеся; II. Сочинения и переводы. Второй раздел, как правило, был самым обширным. Он наполнялся оригинальными статьями, фрагментами из опубликованных научных работ, научными обзорами, «замечаниями на статьи», а также информационными заметками («иностранные происшествия», «разные известия», «пожертвования в пользу училищ», «объявления»).

Увлеченный идеей просветительской колонизации, попечитель побуждал казанских преподавателей публиковать в «Казанском вестнике» материалы экспедиций, научных командировок¹⁴, переводы трудов западноевропейских путешественников¹⁵, сообщения о диких людях и

¹² «Казанский вестник» (1821–1833): указатель содержания / сост. В.Г. Салова, В.И. Шишкин, Ж.В. Щельванова; вступ. статья Е.А. Вишленковой. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003.

¹³ РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 354 «Дело о предоставлении отчета о состоянии Казанского университета», 1821. Л. 6.

¹⁴ Ковалевский О.М. Извлечение из дневных записок, веденных кандидатом Ковалевским в Иркутске по 15 число ноября 1828 года // Казанский вестник. 1829. Ч. 25, кн. 2/3. С. 113–152; Он же. Поездка из Иркутска в Ургу // Там же. Ч. 26, кн. 5/6. С. 4–34; Он же. О забайкальских бурятах: Извлечено из дневника // Там же. 1829. Ч. 26, кн. 8. С. 230–245; Ч. 27, кн. 9/10. С. 15–54; Кн. 11/12. С. 151–214; 1830. Ч. 28, кн. 2. С. 146–157; Кн. 3. С. 283–314; Эверсман Э.А. Путешествие от Казани по разным местам Оренбургской и Астраханской губерний и по берегам Каспийского моря в 1829 году // Там же. 1830. Ч. 28, кн. 7/8. С. 497–531; Ч. 29, кн. 9/10. С. 23–63; 1831. Ч. 33, кн. 9/10. С. 50–74; Кн. 11/12. С. 136–159; 1831. Ч. 34, кн. 1. С. 70–79.

¹⁵ Выписка из путешествия [Леблонда] к Антильским островам и в Южную Америку // Казанский вестник. 1827. Ч. 19, кн. 4. С. 221–230; Нечто о природных жителях Северной Америки и об индейских древностях // Там же. 1828. Ч. 24, кн. 10. С. 103–122; О характере и нравах горных шотландских жителей // Там же. 1828. Ч. 22, кн. 1/2. С. 34–44; Кн. 3. С. 154–169; Зима в Лапландии и Швеции и некоторые наблюдения о

нелюдях¹⁶, наблюдения за нравами и обычаями народов, проживающих на территории округа¹⁷. По всей видимости, Магницкий реализовывал идею бывшего министра А.К. Разумовского, который в 1815 году добивался от университетов публикации собранных с учителей «ученых записок» и созданных профессорами на их основе аналитических отчетов¹⁸.

В силу специфики культурного локуса Казанского университета и специализации его училищного комитета на сборе сведений о народах обширного восточного округа, в «Казанском вестнике» получила явное преобладание этнографическая тематика. Статьи по другим предметам в нём были скорее редкостью. Причем эта тенденция с годами (и даже после отставки М.Л. Магницкого в 1826 году) нарастала. Некоторые выпуски журнала (например, книжки XI и XII за 1829 год) почти полностью посвящены народоведению. В этом отношении журнал отражал сложившуюся естественным образом научную специализацию Казанского университета¹⁹.

Финляндии, ее жителях, сделанные во время пребывания в Гаммерфесте близ Северного мыса [По материалам путешествий, опубликованных Броком] // Там же. 1828. Ч. 23, кн. 5. С. 8–20; Кн. 6. С. 91–105; Кн. 7/8. С. 141–172; О нравах и обычаях батаков, народа, живущего на острове Суматре // Там же. 1828. Ч. 24, кн. 9. С. 84–93; О некоторых народах Ассама и сопредельных оному стран // Там же. 1829. Ч. 25, кн. 1. С. 34–46; Письмо к* [Австралия, путевые очерки] // Там же. 1829. Ч. 25, кн. 1. С. 46–56; Оранг-кебеи, народ острова Суматры: [пер.] // Там же. 1829. Ч. 25, кн. 4. С. 289–292; О последнем путешествии Клаппертонна во внутренность Африки // Там же. 1829. Ч. 26, кн. 7. С. 195–206; Кн. 8. С. 246–255; Ч. 27, кн. 9/10. С. 54–65; Кн. 11/12. С. 215–227; О жителях Новой Ирландии // Там же. 1830. Ч. 28, кн. 4. С. 393–410; О Новой Гвинее // Там же. 1830. Ч. 28, кн. 4. С. 418–424; Число евреев, обитающих в разных частях земного шара // Там же. С. 424–425; О некоторых народах, живущих в Северо-Западной Америке // Там же. 1832. Ч. 34, кн. 4. С. 290–314; Ч. 35, кн. 5. С. 353–362; Баски // Там же. 1832. Ч. 34, кн. 2. С. 144–160; Кн. 4. С. 276–290; Ч. 35, кн. 6. С. 449–471.

¹⁶ О вампирах и мертвецах // Казанский вестник. 1829. Ч. 25, кн. 2/3. С. 187–195.

¹⁷ Вештомов А.И. История вятчан / публ. Г.С. Суворцова // Казанский вестник. 1824. Ч. 12, кн. 12. С. 322–335; Нечто об армянах // Там же. 1828. Ч. 23, кн. 4. С. 277–284; Духовский М. Колонии на Волге // Там же. 1829. Ч. 25, кн. 1. С. 56–72; [Известия о чувашах, живущих в Казанской, Симбирской, Оренбургской и других губерниях] // Там же. 1829. Ч. 25, кн. 4. С. 292–304; Ч. 26, кн. 5/6. С. 106–116; Ч. 27, кн. 9/10. С. 90–99.

¹⁸ НА РТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 209 «Документы о создании и деятельности комитета для издания “Ученых записок” университета», 1815. Л. 1.

¹⁹ О научных проектах казанских профессоров и формах их корпоративного обсуждения см: Вишленкова Е.А. Человеческое разнообразие в локальной перспективе: «большие теории» и эмпирические знания (Казань, первая половина XIX века) // *Ab Imperio*. 2009. № 3. С. 245–345.

В те годы редакция журнала пыталась проводить экспертизу рукописей. Однако в ситуации, когда по каждой дисциплине в университете был только один специалист, осуществлять рецензирование было трудно. Выполнение формальных требований привело к появлению практики «саморецензирования». «Г[осподи]ну Эрдману, – писал ректор Казанского университета о местном востоковеде, – приходится быть цензором всего более своих собственных сочинений»²⁰.

Итак, в ходе реализации государственного заказа на поставку сведений о природных и человеческих ресурсах империи российские университеты вовлеклись в производство новых знаний, и в этой связи появилась потребность их издания. Публикация придавала сделанным наблюдениям статус объективных научных выводов.

Кроме исследовательских отчетов казанские профессора были обязаны издавать в журнале «исторические обозрения о том направлении, которое наука их приняла в Европе, и о тех успехах и открытиях, кои в ней сделаны»²¹. Благодаря этому журнал выполнял функцию трансфера западноевропейских теорий в российскую университетскую среду и способствовал появлению новых научных дисциплин.

Читательский успех казанских изданий тех лет оценить довольно сложно. Сами профессора были ими довольны. Даже взыскательный ректор Н.И. Лобачевский в 1829 году оценивал их вполне позитивно и считал, что опубликованные в университетской газете «политические статьи, кажется, придают много занимательности для города»²². Его критические замечания в отношении «Прибавлений к “Казанскому вестнику”» относятся к более позднему времени.

Поскольку подписка на университетские издания была обязательной для всех подведомственных Казанскому университету училищ, он экономил с их помощью на рассылке по округу правительственных распоряжений. Благодаря этому газета и журнал окупали себя.

²⁰ Письмо Н.И. Лобачевского М.Н. Мусину-Пушкину, 15 января 1829 // Н.И. Лобачевский: Научно-педагогическое наследие. Руководство Казанским университетом. Фрагменты. Письма / редкол. П.С. Александров (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1976. С. 612.

²¹ Выписка из беседы господина попечителя Казанского учебного округа к сословию Казанского университета // Казанский вестник. 1823. Ч. 7, кн. 2. С. 70.

²² Письмо Н.И. Лобачевского М.Н. Мусину-Пушкину, 15 января 1829. С. 611.

Реформа министерского журнала

С приходом С.С. Уварова чиновникам министерства пришлось заняться продумыванием общей политической линии в отношении ведомственных изданий²³. После ряда заседаний, в сентябре 1833 года министр разослал попечителям циркулярное письмо с сообщением об издании «Журнала Министерства народного просвещения» (далее ЖМНП). В отличие от прежних довольно спорадических и в основном репрезентативных по своему назначению «Записок Департамента Министерства народного просвещения», от нового журнала требовались регулярность и глубина в освещении «действий правительства по учебной части, новейшие в области наук открытия и вообще разные и любопытные сведения»²⁴.

Годовой комплект состоял из трех частей, каждая из которых делилась на четыре книжки. В каждом выпуске было шесть тематических разделов:

1) «действия правительства», то есть нормативные акты Министерства народного просвещения, включая приказы о назначении, перемещении и увольнении;

2) «словесность, науки и художества», где выходили «оригинальные и переводные статьи по части религии, философии, правоведению, нравоведению, педагогике, истории, литературе, отечественному языку и других общепользных знаний; взгляды на историю разных наук и на нынешнее состояние оных»;

3) «известия об ученых и учебных заведениях в России»;

4) «известия об иностранных ученых и учебных заведениях», в том числе «и о мерах, употребляемых тамошними правительствами к их улучшению»;

5) «история просвещения и гражданского образования», включая «биографии людей, на сем поприще знаменитых»;

6) раздел «новости и смесь» представлял собой подборку разножанровых известий «о новых достопримечательных книгах, как иностран-

²³ Юрьев Б.И. «Журнал Министерства народного просвещения» // Отечественная история: энциклопедия: в 5 т. Т. 2. Д-К / гл. ред. В.Л. Янин. М.: Большая Рос. энцикл., 1996.

²⁴ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 268 «Дело о возобновлении Журнала Министерства народного просвещения», 1833. Л. 2; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3946 «По предписанию г. управляющего Министерством народного просвещения о возобновлении (при министерстве) издания Журнала Министерства народного просвещения», 1833. Л. 1.

ных, так выходящих в России»; «о ходе современной журналистики»; «о новых открытиях, изобретениях и т.п.»; «о разных происшествиях, имеющих отношение к ученой и учебной части»²⁵.

Министерство обязало попечителей организовать подписку на ЖМНП «для наставников юношества». Каждый университет был обязан выкупить четыре комплекта, гимназия – два, уездные и народные училища – по одному²⁶. В Московском учебном округе приобретать ЖМНП обязывался Ярославский Демидовский лицей²⁷. В числе подписчиков Уваров желал видеть всех попечителей и почетных смотрителей училищ²⁸. Циркулярным предписанием в список обязательных подписчиков были включены частные пансионы²⁹. На попечителей и их помощников возлагалась обязанность заставлять их покупать журнал³⁰. В Санкт-Петербурге годовой комплект журнала стоил 30 рублей, в других городах империи – 35 рублей³¹.

Поскольку подписка на ЖМНП стала практически принудительной, то в ответ на приказ попечители стали получать разные по тональности и намерениям письма от директоров училищ и почетных смотрителей. Среди них есть ходатайства разрешить потратить на журнал экономические (хозяйственные) деньги учебного заведения³², есть жалобы о бедственном состоянии школы и признания неспособности оплатить подписку³³, есть сообщения о том, что благотворители (местные общества, отдельные служащие или частные лица) приобрели для того или иного училища комплекты ЖМНП. В некоторых случаях попечитель заставлял учителей и учеников приобретать журнал в складчину³⁴. И хотя вопрос

²⁵ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 268. Л. 4; НА РТ. 92. Оп. 1. Д. 3946. Л. 9.

²⁶ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3946. Л. 2.

²⁷ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 268. Л. 3, 7.

²⁸ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3946. Л. 2.

²⁹ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 51 «Об объявлении благодарности министерства некоторым профессорам университета за участие в трудах, издаваемого министерством народного просвещения Журнала», 1836. Л. 1 об.

³⁰ Там же.

³¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 268. Л. 4 об.; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3946. Л. 9.

³² Например, директор училищ Пермской губернии в своем донесении казанскому попечителю от 26 октября 1833 года. См.: НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3946. Л. 12.

³³ Директор Пензенских училищ 25 октября 1833 года сообщал казанскому попечителю Мусину-Пушкину: «[...] некоторые приходские училища, получающие от Приходских обществ на ежегодное содержание по 200 рублей, как то: Городищенское, Мокшанское и Нижнее-Ломовское, едва ли будут в состоянии выписывать оный журнал». См.: НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3946. Л. 13.

³⁴ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3946. Л. 31 об.

о задолженности отдельных подписчиков периодически обсуждался в министерстве³⁵, Уваров добился своего: жесткими административными мерами он объединил служащих своего ведомства чтением официального издания и тем самым наделил ЖМНП идеологическими функциями.

Кроме указов правительства и текстов самого министра, журнал должен был наполняться результатами исследований русских ученых³⁶. «В сем издании могут участвовать гг. профессора всех университетов и высших учебных заведений, доставляя по крайней мере по одной оригинальной статье своих трудов. Таковые статьи, – обещал Уваров, – служа доказательством их талантов и знаний и свидетельством того, на какую ступень они поставили в университете или в лицее преподаваемую ими науку, будут предметом особенного моего внимания»³⁷. Заявление энергичного министра послужило для всей страны недвусмысленным сигналом предстоящей кадровой селекции.

Подозрения подтвердились последовавшими предписаниями министерства. Согласно им, попечители должны были составить и отправить в Санкт-Петербург список потенциальных авторов для ЖМНП: «на кого в особенности из гг. профессоров может Министерство надеяться в доставлении Журналу полезных любопытных статей»³⁸. Напуганные университетские советы составляли списки имен ученых, готовых представить на жесткий суд известного своими исследованиями министра плоды научных изысканий.

Процедура выдвижения впервые сделала исследовательскую работу критерием профессиональной оценки внутри сообщества. Кроме того, новая ситуация потребовала пересмотра или более жестких соглашений о критериях научности и о процедуре экспертизы ученых трудов. Отбор рукописей, представляющих местное ученое сословие перед лицом правительства, требовал явно иных механизмов фильтрации и оценки, чем те, что практиковались на местах для присуждения ученых степеней и процедуры диссертационной защиты своих коллег. На решение дать или

³⁵ Там же. Л. 37.

³⁶ В ЖМНП было немало аналитических статей, которые касались системы образования за рубежом. См.: Орлова Н.Е. Российский «Журнал Министерства народного просвещения» в 30–60-х гг. XIX в.: интерес к проблемам становления государственной системы начального образования в Англии // Российские и славянские исследования: сб. науч. ст. Вып. 1 / редкол.: О.А. Яновский (отв. ред.) и др. Минск: Беларус. гос. ун-т, 2004. С. 100–104.

³⁷ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 268. Л. 5; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3946. Л. 1.

³⁸ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3946. Л. 2 об.

не дать ученую степень всегда влияло соображение о том, что в будущем эксперту предстоит заседать с обиженным им коллегой в общих корпоративных органах и от его мнения он будет зависеть сам при баллотировании на должность. В ситуации с оценкой рукописей, направленных в ЖМНП, ситуация была иной.

Поскольку профессорские советы подозревали кадровый замысел министра, то на всякий случай включили в списки потенциальных авторов ЖМНП практически весь штат своих университетов. Так, в Казани намерение опубликоваться подписали ординарные профессора физиологии В.Ф. Берви, российской истории, географии, статистики В.Я. Булыгин, химии и технологии И.И. Дунаев, ветеринарной медицины И.К. Ерохов, физики и физической географии Э.А. Кнорр, повивального искусства А.Е. Лентовский, греческой словесности С.А. Мистаки, прикладной математики Г.Б. Никольский, философии П.С. Сергеев, астрономии И.М. Симонов, русского красноречия Г.С. Суворцов, врачевания, фармации и врачебной словесности Л.Л. Фогель, ботаники и зоологии Э.А. Эверсман, восточной словесности Ф.И. Эрдман; а также экстраординарные профессора греческой словесности М.Ф. Грацинский, политической экономики и дипломатики Я.М. Караблинов; адъюнкты Н.Д. Брашман, И.И. Бюрно, П.М. Васильев, А.В. Кайсаров, А.К. Казембек, О.М. Ковалевский, Н.Ф. Кулаков, М.С. Рыбушкин, М.В. Полиновский, А.В. Попов, А.Ф. Хламов, Г.Л. Фогель³⁹. И только уверенный в своем неизыблемом положении ректор Н.И. Лобачевский не сделал этого, объяснив своё решение так: «[...]что же касается до меня, то усматривая из объявления, что в состав журнала не входят предметы, которые относятся к математике, я не могу взять на себя обязанность доставлять статьи»⁴⁰.

Работа министерства с полученными списками показывает направление новой кадровой политики в университетах. Так, по желанию министра попечители вычеркнули из списков имена преподавателей, плохо владевших русским языком. Впрочем, это не было свидетельством национальной дискриминации. Изучение представительства на страницах ЖМНП и выявление этнического и конфессионального статуса авторов опубликованных текстов убеждает в том, что издательская политика министерства не была русофильской. Например, из Казани в Санкт-Петербург присылались и печатались в ЖМНП статьи немцев, поляков, иранцев⁴¹.

³⁹ НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3946. Л. 31.

⁴⁰ Там же. Л. 31–31 об.

⁴¹ Там же. Л. 32.

Решение о публикации принимала редакция министерского журнала. Бессменным её руководителем при Уварове был К.С. Сербинович (с 1834 по 1856). При отсеивании полученных текстов он руководствовался правилами, разработанными министром и в 1833 году разосланными по университетам⁴². На практике они корректировались личным мнением Уварова о прочитанной рукописи⁴³. Качество исследовательского труда правительство оценивало с учетом его реальной или потенциальной государственной пользы, поэтому авторы прописывали ее в начале статьи⁴⁴. Вот откуда берут происхождение пресловутые «актуальность» и «практическая значимость» диссертаций, о которых до сих пор обязаны сообщать государству (в лице Высшей аттестационной комиссии) российские исследователи всех специальностей! С тематической точки зрения, редакция ЖМНП предпочитала публиковать статьи, относящиеся к наукам, связанным с российскими культурами и «наречиями»: славяноведение, востоковедение, русская история, география, статистика и камералистика. Статьи по точным наукам встречаются крайне редко.

В работе с авторами принятых к публикации статей (то есть «настоящими учеными») редакция руководствовалась нормами западной академической культуры. Впервые в России научные исследования издавались с обязательным указанием подлинного имени ученого и занимаемой им должности. Автор получал гонорар «за всякую статью не заключающую в себе печатного листа 50 рублей (исключая статьи отменной важности), за печатный лист 100 р., за два листа 150, за три 200, и так далее. Нежелающие пользоваться сим вознаграждением должны заблаговременно уведомить о том редакцию журнала»⁴⁵. Со своей стороны автор обязывался не «помещать сию статью где-либо на русском языке до истечения года»⁴⁶. В течение года профессор или адъюнкт могли опубликовать в ЖМНП только одну статью. Если кто-то желал издать две, то за вторую публикацию гонорар не выплачивался. Автор получал только бесплатный экземпляр журнала со своей статьей⁴⁷.

⁴² Там же. Л. 8.

⁴³ Там же. Л. 50.

⁴⁴ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4536 «По предписанию г. министра народного просвещения об изъявлении благодарности некоторым членам Казанского университета за участие в издании Журнала Министерства народного просвещения и продолжении этого журнала в 1837», 1837. Л. 7.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Л. 50.

Такие ограничения не останавливали желающих публиковать результаты своих исследований. Свидетельства тому содержат архивы местных университетов. Так, в июне 1834 года казанский попечитель рекомендовал редакции ЖМНП статью профессора И.М. Симонова, «содержащую в себе общий взгляд на историю механики и оптики», а в октябре того же года просил издать еще одну статью того же автора – «Древность астрономии»⁴⁸. Через два года подобный казус зафиксирован со статьями профессора Булыгина «Исторические воспоминания на пути из Саратова в Астрахань» и «О северно-восточных руссах»⁴⁹.

Работа с присланными текстами заставляла министерских чиновников быть в постоянном контакте с университетами и позволяла обретать осведомленность относительно научного ресурса каждого из них. Профессорские советы в своих административных решениях (например, во время баллотировок) отныне вынуждены были учитывать научную репутацию преподавателя в министерстве. А она имела вполне осязаемые формы и могла быть доказана посредством официального письма с благодарностью министра⁵⁰ или указанием на опубликованный в ЖМНП список имен авторов, который ежегодно составляла редакция ЖМНП. Список рассылался по всем университетам и училищам⁵¹.

Эти неформальные знания, а также статистика из университетских ежегодных отчетов, сведенная министерскими чиновниками в единые таблицы, позволила правительству объявить локальные особенности университетов недостатком развития системы образования в империи. Высшая ступень российского образования виделась императору Николаю и его министру Уварову не в качестве суммы локальных и очень разных университетских сообществ, а как система институций, в которой если и есть различия, то только намеренные, призванные удовлетворять региональные потребности.

Общая картина просветительской модернизации страны была объективирована в глазах читателя ЖМНП многочисленными цифровыми данными, ведомостями, таблицами, включавшими данные о штатах и воспитанниках высших школ разных регионов, издания учебных программ преподавателей одинаковых кафедр из разных городов. Но поскольку

⁴⁸ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3946. Л. 50, 53.

⁴⁹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4517 «С представлением “Ученых записок Казанского университета” за 1836». Л. 3, 6.

⁵⁰ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3946. Л. 1–2.

⁵¹ Там же. Л. 4.

любое сравнение есть аналитическая процедура выявления различий (а это было нежелательно), то с 1836 года издатели ЖМНП сравнивали уже не столько университеты Москвы, Санкт-Петербурга, Дерпта и Казани между собой, сколько «русские университеты» с такими же абстрактными «университетами Западной Европы и Северной Америки»⁵². Типологизация, подразумевающая игнорирование отличий, позволяла чиновникам создать конструкт национальной университетской системы. Во всяком случае, со второй половины 1830-х годов министерские чиновники использовали в бюрократической переписке именно этот термин.

Во второй половине 1830-х годов ЖМНП стал органом довольно четко сформулированного государственного дискурса не только «русского университета», но и национальной науки. Множество «наук», о которых говорили люди Александровской эпохи⁵³, было сведено в единое понятие «наука», а дисциплинарное деление передавалось терминами «кафедра» и «специальность». В этом смысле появлению концепта «русская наука» мы обязаны целенаправленным усилиям министерства Уварова и его журнала.

Этот концепт удовлетворял не только идеологическим амбициям власти, но и обеспечивал нормализацию исследовательской работы в империи. Публикации в ЖМНП статей авторов с одной научной специализацией сделали возможным сопоставление их текстов, что постепенно привело к выработке общих критериев оценки научной продукции, то есть стало основой для формирования в пространстве империи единых академических стандартов.

Замысел «ученых записок»

Поскольку в планы С.С. Уварова входило стимулировать и унифицировать не только исследовательское производство в университетах, но и урав-

⁵² См.: Орлова Н.Е. Указ. соч.

⁵³ Поповский Н.Н. Речь, говоренная в начатии Философических лекций при Московском университете Гимназии ректором Николаем Поповским, 1755 года // Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами оного с краткими их жизнеописаниями. В 4 частях. Ч. I. М.: Университетская типография, 1819. С. 9–17; Страхов П.И. Слово о влиянии наук в общее и каждого человека благоденствие, говоренное июня 30 дня 1788 года // Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами оного с краткими их жизнеописаниями. В 4 частях. Ч. II. М.: Университетская типография, 1820. С. 213–282.

нять объем и содержание обучения в них, он потребовал от профессорских советов издать все программы читаемых лекций. Мысль эта была не новая. Спорадически программы или описания учебных курсов публиковались в университетских типографиях либо в виде газетных объявлений, либо отдельными брошюрами. Уваров же решил сделать эту практику постоянной и соединить публикации учебных программ с текстами лекций и научными публикациями профессоров, объединив их под обложкой регулярно выходящего при университете журнала «Ученые записки».

По всей видимости, это название родилось в министерстве еще при князе К.А. Ливене по аналогии с учительскими отчетами Александровской эпохи. Несмотря на молчание университетского устава 1804 года об исследовательской работе профессоров, столичные чиновники с первых лет требовали от университетов организации сбора сведений о природных и человеческих ресурсах империи. В «Уставе учебных заведений, подведомых университетам» (1804) правительство обязало попечителей добиваться, чтобы учителя их округа писали «исторические, метеорологические, топографические и статистические записки о губерниях, включая в оные сведения о земледелии, времени посева и жатвы, о свойствах земли, употребляемых при земледелии орудиях и других предметах, потребных к точному познанию общего хозяйства»⁵⁴. Для получения однопорядковых, то есть допускающих сравнения и обобщения сведений министерство разработало «наставления» – инструкции для составления годовых ученых записок. Директора гимназий были обязаны по мере поступления исследовательских текстов от учителей прочитывать их и «представлять оныя вышнему начальству», то есть отсылать в университет⁵⁵.

Став министром, Уваров отменил сбор таких сведений с учителей, посчитав их бесполезными для науки и государства и отвлекающими учителей от основных занятий. И как только профессора были освобождены от управления училищами, они стали обязаны сами проводить исследования учебных округов и издавать ученые записки о них. В семантике изучаемого времени понятие «записка» имело значение «текст». Она не была короткой или жанровой. Практически любые тексты с изложением сути какой-либо проблемы назывались тогда «записками».

⁵⁴ Устав учебных заведений, подведомых университетам, 5 ноября 1804 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. СПб., 1864. № 47. Стб. 315.

⁵⁵ Там же.

Образцом для учреждения «ученых записок» – сети научных журналов, появившихся в России в 1830-е годы – стал Дерптский университет. С 1831 года, вероятно под влиянием успешного семинара Леопольда фон Ранке, в нем стали проводиться ежемесячные семинары профессоров и преподавателей, на которых делались сообщения и велись дискуссии по разнообразным научным вопросам⁵⁶. Вскоре эти доклады и обсуждения, а также иные результаты исследований, стали публиковаться в специальном периодическом издании «Dorpat'er Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands» («Дерптский ежегодник литературы, статистики и искусства, в особенности России») ⁵⁷.

Подобная активность в те годы требовала согласования с Санкт-Петербургом. Она была поддержана министром Ливеном, затем ее одобрил и его преемник Уваров⁵⁸. Впрочем, последний с ревностью отнесся к тому, что окраинный и немецкоязычный университет стал самым научным в империи. И хотя Дерпт был выбран императором Николаем I и его министром в качестве научной колыбели для подготовки молодых профессоров в русские университеты, Уваров рассматривал это положение как временное и рассчитывал подтянуть внутренние университеты до уровня Дерпта, а затем возвысить их. В логике «ручного управления» министр начал побуждать ученых сословия подчиненных ему школ заниматься исследованиями и издавать собственные научные издания.

История появления «Ученых записок» – вплоть до революции 1917 года главного научного журнала империи, необходимого атрибута академической жизни многих российских университетов – началась с беседы Уварова с членом Училищного комитета, помощником попечителя Московского университета Д.П. Голохвастовым. Заручившись его согласием, в сентябре 1832 года Уваров направил ему официальное письмо с поручением провести заседание университетского совета и обсудить на нем возможность издания «Ученых записок» в Москве.

⁵⁶ Петухов Е.В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за столетие его существования (1802–1902). Т. I: Первый и второй периоды (1802–1865). Исторический очерк. Юрьев, 1902. С. 561.

⁵⁷ Кроме него, дерптский профессор Ф.Г. Бунге издавал еженедельный журнал «Inland» (1836–1863), посвященный истории, географии, статистике и литературе Остзейского края; Петухов Е.В. Указ. соч. С. 564.

⁵⁸ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 317 «Дело об издании при Московском университете журнала “Ученые записки императорского Московского университета”», 1832. Л. 2 об.

Тогда Уваров видел пользу специализированного журнала, как и развития исследовательской работы в целом, в том, чтобы пресечь в университетах складывание нежелательных форм коллегиальности. Проведенная им накануне ревизия Московского университета была нацелена на анализ причин студенческих беспорядков. В письме Голохвастову Уваров размышлял о пагубном влиянии, в том числе, современных «периодических изданий на молодых людей, вверяемых правительством попечению университета»⁵⁹. Речь шла о «толстых» журналах политико-публицистического характера. Министр ждал улучшения ситуации в университетах от развития в них науки и чтения научных изданий, надеялся на «благоприятные следствия, коих можно бы ожидать от журнала, [...] издаваемого сословием профессоров университета» с «желанием доставлять читателям, особенно молодым людям, чистую, зрелую предохранительную пищу, – соразмерную с их умственными силами, пищу согласную с потребностями их возраста, образования и будущего назначения в жизни»⁶⁰. В тех обстоятельствах московский попечитель был вынужден исполнить любое пожелание ревизора, ставшего фактическим главой министерства. Провинившаяся московская корпорация профессоров в тот же год приступила к изданию «Ученых записок».

Их готовил специально назначенный комитет из представителей четырех отделений университета: ординарные профессора всеобщей истории и статистики М.Т. Каченовский; красноречия, стиховорства и языка русского И.И. Давыдов, физики и физической географии М.Г. Павлов, естественного, политического и народного права Д.Е. Василевский, наблюдательной астрономии Д.М. Перевощиков, хирургии А.А. Альфонский, а также экстраординарный профессор анатомии П.П. Эйбродт и адъюнкт этико-политического отделения М.П. Погодин⁶¹. Председательствовал сам ректор. В то время этот пост занимал доктор медицины, председатель «Общества любителей российской словесности» И.А. Двигубский.

В короткий срок комитету предстояло разработать план издания. Выполнение данной задачи облегчило то, что трое членов комитета имели богатый опыт издательской деятельности: Двигубский десять лет редактировал журнал «Новый магазин естественной истории, физики, химии

⁵⁹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 317 «Дело об издании при Московском университете журнала “Ученые записки императорского Московского университета”», 1832. Л. 2.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. Л. 5–5об.

и сведений экономических» (1820–1830)⁶², Павлов готовил к изданию литературный журнал «Атеней» (1828–1830), а Погодин принимал участие в издании газеты «Московские ведомости» (1827–1830) и во время эпидемии холеры (1830–1831) редактировал информационную газету «Ведомости о состоянии города Москвы». За шесть дней они разработали «предначертание повременного издания от императорского Московского университета».

В его втором пункте декларировалось назначение «Ученых записок»: «К числу способов успешнейшего сообщения сведений принадлежат повременные издания по разным отраслям наук, если только писатели не увлекаются ни личными страстями, ни частными выгодами, но посвящают труды свои развитию в юношах точных понятий и умственной деятельности, доставляют им здравую духовную пищу, соразмерную с их силами, потребную их возрасту, образованию и будущему назначению в жизни», – наставительно заявили редакторы. «К сим важным обязанностям издателей повременных известий присоединяется старание о чистоте и правильности отечественного языка, об устранении несвойственных ему нововведений и обогащении оного речетями и оборотами из родных его источников; ибо умственная жизнь народа, действием всех душевных способностей и опытом развиваемая, тогда только во всей полноте оказывается, когда науки начинают выражаться на отечественном языке, становятся общественною потребностью и каждому состоянию подают помощь, с его нуждами согласную»⁶³. Таким образом, на академическом языке члены комитета сформулировали все высказанные в разных идеологических статьях и инструкциях идеи Уварова относительно признаков национальной «русской науки».

Содержание «Ученых записок» должны были определять «кафедры», «дисциплины» или «предметы» отделений университета: нравственно-политического, физико-математического, врачебного и словесного. По практической значимости их тогда делили на «общие, каждому человеку и во всяком роде жизни необходимые, так и особенные, служащие к образованию гражданина, по различному назначению государственной

⁶² «Новый магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономических» состоял из переводных статей, взятых главным образом из французского журнала «Annales de Chimie et de Physique» («Анналы химии и физики») и книг. И в этом отношении он продолжал традицию «Московских ученых ведомостей». К 1824 году журнал приобрел четкую структуру: он состоял из четырех разделов – «Естественная история», «Физика», «Смесь» (информационные заметки и библиографические сведения о новинках в области естествознания), «Метеорологические наблюдения».

⁶³ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 317. Л. 6 об.–7.

службы, а в совокупности споспешествующие усовершенствованию отечественного языка»⁶⁴. Структура «Ученых записок» должна была отражать «современное состояние знаний ума человеческого, языков и искусств, в отношении: I) умозрительном, II) опытном, или историческом, и III) искусственном»⁶⁵.

В понимании членов комитета «умозрительное» рассмотрение дисциплины предполагало «изъяснение начал той или иной науки»⁶⁶. «К сей умозрительной части издания, – обещала редакция, – будут относиться: А. Собственные издателей изложения начал в науках; В. Разбор сочинений отечественных и иностранных теоретических, заслуживающих внимания; С. Перечни и извлечения из иностранных сочинений, достойных нашего изучения по теории»⁶⁷.

Под «историческими исследованиями» члены комитета понимали «вновь совершаемые наблюдения, открытия и даже новые предприятия в науках»⁶⁸, а именно: «А. Исследования, служащих запасом или для прочнейшего созидания, или для усовершенствования в науках; В. Наблюдения и опыты по многоразличным предметам знаний; С. Известия о разных предприятиях в науках и об успехах, от сего ожидаемых»⁶⁹.

«Изящные произведения Словесности, искусств и изделий ремесел» составляли «искусственные науки». В «Ученых записках» они представлялись через: «А. Разборы замечательнейших писателей, в особенности отечественных; В. Рассмотрение произведений изящных искусств, описание изделий и орудий ремесленных; С. Сверх того будут допускаемы в сию часть издания произведения изящной словесности юных питомцев университета, отличные по мыслям и вкусу в изложении»⁷⁰.

Структура «Ученых записок Московского университета» не была застывшей, определенной раз и навсегда. В дальнейшем она корректировалась и дополнялась. Так, в декабре 1834 университетский совет просил попечителя разрешить ввести в «Ученые записки» «постоянное отделение под именем “Летописей университета”, где бы помещались, по порядку времени: 1) известия обо всех вновь выходящих по Министерству народного просвещения указах и постановлениях, относящихся соб-

⁶⁴ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 317. Л. 7 об. –8.

⁶⁵ Там же. Л. 8.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. Л. 8 об.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. Л. 8 об.–9.

⁷⁰ Там же. Л. 9.

ственно к Московскому университету и его учебному округу; 2) важнейшие меры и распоряжения университета, как относительно его самого, так и по управляемым им училищам; 3) известия об определении, перемещении, увольнении и награждении разных лиц, содержащих в ведомстве Московского университета; 4) извлечения из протоколов ученых обществ, донесений профессоров, визитаторских отчетов и рапортов директоров, содержащие в себе любопытные известия относительно ученых предприятий и трудов, распространения и усовершенствования учебных заведений, особенных благотворительных пожертвований и вообще всего, чем объясняется просвещение в университете и его округе»⁷¹. Попечитель и министерство идею поддержали⁷². Благодаря такой рубрике и наполнявшим ее материалам история российских университетов предстала областью мировой науки.

В итоге основных разделов в «Ученых записках Московского университета» было пять: I. – «Науки»; II. – «Словесность и искусства»; III. – «Критика»; IV. – «Смесь»; V. – «Летопись университета» (с 1 января 1835 года). Поскольку ограничений в объеме разделов не было, нередко один подраздел той или иной дисциплины («Науки») состоял из нескольких статей.

Раздел «Науки» включал «исторические исследования» и «умозрительные» статьи. Под понятием «науки» редакторы подразумевали университетские «кафедры», то есть дисциплины, которые преподавались в Московском университете. Например, первый раздел первого выпуска состоял из следующих подразделов: «А. История», «В. География», «С. Ботаника», «D. Зоология», «Е. Медицина вообще», «F. Анатомия». Так называемые «искусственные науки» второго разряда «Ученых записок Московского университета» под названием «Словесность и искусства» включали «А. Теорию словесности», «В. Изящную словесность»; «С. Историю изящных искусств». Третий раздел «Критика» наполнялся рецензиями и обзорами научных публикаций. Четвертый – традиционный для многих российских журналов и газет того времени – раздел «Смесь» включал подразделы: «А. Отечественные известия», «В. Уче-

⁷¹ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4564 «Об издании журнала под названием “Ученые записки императорского Московского университета” (Летописи университета)», 1834. Л. 13–13 об.

⁷² ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 3. Д. 226 «Об издании при Московском университете на сей 1834 год журнала под названием “Ученые записки императорского Московского университета”», 1834. Л. 40–40 об.; ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4564. Л. 15.

ные известия», «С. Наблюдения астрономические и метеорологические», «D. Библиография». И, наконец, пятый раздел «Летопись» появился 1 января 1835 года и содержал нормативные акты, касающиеся жизни Министерства народного просвещения, распоряжения по Московскому округу и хронику событий округа. Предисловий или редакторских статей в «Ученых записках Московского университета» не было.

Цель и структура университетского журнала сразу получили одобрение помощника попечителя Д.П. Голохвастова. Вопросы и возражения у него вызвали организационные моменты: тираж, отпускная цена, состав редакции, оплата труда членов комитета и авторов статей. Возможно, эти разногласия сыграли в дальнейшем роковую роль в прекращении издания, столь блестяще начатого в июле 1833 года.

Члены комитета полагали, что объем каждого номера («книжки» на языке того времени) должен составлять пять печатных листов. Каждый номер будет готовиться два месяца. Свою позицию члены комитета объясняли так: «[...] ученые записки требуют основательного размышления и тщательной отделки в сочинениях: посему только чрез каждые два месяца будет издаваема книжка»⁷³. Таким образом, годовое издание составлялось из шести выпусков.

Голохвастов же хотел, чтобы журнал выходил ежемесячно⁷⁴. В этом желании и другими аргументами его поддержал книгопродавец и комиссионер Московского университета А.С. Ширяев. Он с самого начала предупреждал, что научные издания в России «большой частью навлекают убытки»⁷⁵. Наименее рискованным, с его точки зрения, был бы ежемесячный журнал. Надо сказать, что Ширяев, который давно вел коммерческие дела «Московских ведомостей» и снабжал университет иностранной литературой, имел непререкаемый авторитет в профессорской среде⁷⁶.

И хотя министр народного просвещения К.А. Ливен понимал, что столь часто выходящее издание «обременит профессоров трудами для журнала к ущербу их занятий по преподаваемым в университете наукам», всё же, чтобы «не повредить достоинству самого журнала, который, будучи

⁷³ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 317. Л. 9 об.

⁷⁴ Там же. Л. 13 об.

⁷⁵ Там же. Л. 26 об.

⁷⁶ Рачительное ведение дел «Московских ведомостей» наглядно демонстрирует дело: ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 192 б. «Об изменении формы печатания “Московских ведомостей” с 1837 года, о возвышении платы за помещаемые в оных сторонними литераторами статьи, и о проч.», 1836–1837. 18 л.; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 3. Д. 226. Л. 26–26 об.; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 317. Л. 20–20 об., 25 об.–26.

издаваем от сословия профессоров, должен отличаться своим содержанием», он приказал выпускать журнал каждый месяц. Единственным послаблением для издательского комитета стала отсрочка выполнения приказа – не с 1 января, а 1 июля 1833 года, «когда будет уже находиться в готовности достаточный запас материалов и изданию нельзя потерпеть никакой остановки»⁷⁷.

Окончательно формат «Ученых записок императорского Московского университета» (таково официальное название издания с 1833 по 1837 годы, в данной статье допускается сокращение «Ученые записки Московского университета») оформился уже при Уварове. Циркулярным письмом министра от 17 июня 1833 года журнал был утвержден как ежемесячное издание, а плановый печатный объем каждого его выпуска был увеличен с пяти до семи-восьми печатных листов⁷⁸. Номера «Ученых записок» за квартал сшивались в одну книгу, которая имела общую пагинацию страниц. Такая организация издания была и у «Московских ученых ведомостей».

Для того, чтобы привлечь профессоров к изданию своих трудов в «Ученых записках», Голохвастов использовал административные ресурсы. Он распорядился, чтобы профессорский совет представил ему список потенциальных авторов с указанием названия статьи и предполагаемого объема публикации (март 1833)⁷⁹. Попечитель предупредил всех, что намерен представить этот кондуит «высшему начальству»⁸⁰. Но, несмотря на дав-

⁷⁷ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 317. Л. 15 об.–16.

⁷⁸ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 191 «Дело о подписке на журнал, издаваемый при университете под названием “Ученые записки”», 1833. Л. 2.

⁷⁹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 317. Л. 30–31 об.

⁸⁰ Там же. Л. 25.

Практика подобного побуждения преподавателей к издательской деятельности использовалась и в дальнейшем. В 1835 году причины, которые указывали преподаватели, отсрочивая написание статьи или отказа писать вовсе, назывались разные: абстрактные – «по причине ректорской должности определить сказать ничего не могу» (ректор Л.А. Цветаев); «если таковые обстоятельства позволят доставить» (профессор В.М. Котельницкий). Конкретные, профессионального характера – «к концу сего месяца статьи доставить не могу по многим занятиям по Градской больнице. Но впоследствии не премину доставить уже печатную мною статью» (А.Е. Эвениус); личного характера – «когда получу от глазной болезни облегчение» (профессор Х.Г. Бунге). Среди официальных отказов писать статьи встречались и твердые заверения предоставить материал для публикации: «участвовать в “Ученых записках” по возможности обязан непременно» (И.И. Давыдов), «постараюсь доставить пиесу для “Ученых записок”, занявшись составлением ее в вакационное время» (П.В. Победоносцев). См.: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 3. Д. 226. Л. 19 об.–21 об.

ление, заставить профессоров представить рукописи оказалось делом нелегким. В поданные списки вписаны голословные обещания типа: «[...] обещаюсь присылать статьи в “Ученые записки”, а сколько именно определить не могу» (А.Л. Ловецкий), «в сем месяце представить ничего не могу; но впредь содействовать сему изданию не отказываюсь» (А.Г. Фишер), «доставлять по возможности буду» (Н.И. Надеждин)⁸¹.

Тем не менее редакции удалось собрать с коллег необходимый объем рукописного материала и даже более того. Первые выпуски «Ученых записок» наполнены текстами профессорских лекций или их фрагментами, сообщениями преподавателей. Украшением номера была речь С.С. Уварова «Гёте» в переводе И.И. Давыдова⁸². Ректор А.М. Болдырев сообщил попечителю, что листаж первых собранных выпусков «Ученых записок» превысил установленные министерством семь печатных листов «почти вдвое»⁸³. Но у этого успеха была и обратная сторона. Члены издательского комитета стали жертвами журнала. Они говорили это коллегам и начальству на заседаниях комитета⁸⁴ и на университетском совете⁸⁵.

В ответ на их жалобы комитет был расширен, но не стал коллегиальным органом, каковым он был в Дерпте. Профессора хотели, чтобы редакция «Ученых записок» составлялась из избранных от каждого из четырех отделений университета двух профессоров или адъюнктов, а делопроизводство были намерены поручить секретарю, назначенному из магистров или кандидатов⁸⁶. Голохвастов посчитал недопустимым, чтобы журналом руководил выборный и сменяемый издательский комитет. Он настоял на принципе бюрократического единоначалия при формировании этого органа. Ответственность за качество выпускаемой издательской про-

⁸¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 3. Д. 226. Л. 19 об.–21 об.

⁸² Гёте: слово его превосходительства г. управляющего Министерством народного просвещения, президента Академии наук С.С. Уварова, произнесенное на французском языке в торжественном собрании Академии, 12 марта 1833 года / перевод И.И. Давыдова // Ученые записки императорского Московского университета. 1833. Ч. 1. С. 74–94.

⁸³ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4564. Л. 2 об.

⁸⁴ «Дневные записки редакции “Ученых записок”» от 2 июля 1835 года сообщали, что редакторы Давыдов и Перевощиков изъявляли свою готовность продолжать в следующем 1835/1836 академическом году работу с повременным изданием, «если только последует на это воля начальства, и если члены университета благоволят и впредь подкреплять их в общеплезном деле своим участием». См.: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 4. Д. 220 «Дело по комитету издания “Ученых записок императорского Московского университета”», 1835. Л. 1.

⁸⁵ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 3. Д. 226. Л. 19 об.–21 об.

⁸⁶ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 317. Л. 9 об.–10.

дукции возлагалась на редактора. «Комитет профессоров рассматривает статьи, – объяснял Голохвастов устройство журнала министру, – которые должны быть в каждой книжке, но размещение оных в приличном порядке возлагается на редактора, назначаемого попечителем из тех же членов комитета. Редактор имеет в своем заведывании все статьи, доставляемые для помещения в журнал, предлагает их комитету на рассмотрение, наблюдает за порядком печатания, гравирования, или литографирования чертежей, имеет непосредственные сношения с типографией и всеми лицами, кои могут быть прикосновенны к изданию журнала. В помощь ему для исполнения разных его поручений и письмоводства придается магистр или кандидат, также с утверждения попечителя»⁸⁷.

При таком подходе редактор отвечал за всё и был завален организационной работой. Неудивительно, что он стал просить освободить его от занимаемой должности, мотивируя это самыми благовидными предложениями: «расстроенным здоровьем»⁸⁸ или «умножением занятий»⁸⁹. Таким образом, благая идея публикации статей ученого сословия грозила погибнуть от искусственно созданной бюрократии интенсивности издания. Через полгода после запуска «Ученых записок» комитет стал добиваться введения штатной должности второго редактора⁹⁰. После длительной переписки с министерством и попечителем она была введена. Вторым редактором в «Ученых записках» стал Д.П. Перевозчиков («по предметам» математического и медицинского отделений)⁹¹. А затем им в помощь были выделены два молодых адъюнкта: по кафедре всеобщей словесности С.П. Шевырев (к тому же имевший опыт работы в «Московских ведомостях») и по кафедре естественной истории Г.Е. Щуровский⁹².

Не в пользу университета решился вопрос и с бюджетом «Ученых записок». Комитет предлагал выпускать их тиражом в 1200 экземпляров. Заверяя о собственной бескорыстности и «имея ввиду единственно пользе юношества принесением оному в жертву ученых трудов своих», редакторы были готовы пойти на жертвы – установить подписную цену за годовой комплект в Москве – 20 рублей, для училищ Московского округа – 15 рублей, а для других городов – 25 рублей. Предполагалось, что

⁸⁷ Там же. Л. 13 об.–14.

⁸⁸ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 3. Д. 226. Л. 2.

⁸⁹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 5. Д. 70 «Об освобождении профессора Давыдова на следующий академический год от звания редактора “Ученых записок”», 1836. Л. 1.

⁹⁰ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4564. Л. 1 об.–2, 7 об, 34 об.

⁹¹ Там же. Л. 34 об.

⁹² Там же. Л. 8.

«члены Университета, как издатели “Ученых записок”, будут получать оныя безденежно». Подписку на издание должен был осуществлять А.С. Ширяев⁹³.

Но министр К.А. Ливен ужесточил финансовые условия. Он посчитал «неблаговидным» делать издание более дорогим для университетов и училищ всей России, чем для школ Московского учебного округа, ибо они «одинаково суть общие государственные учреждения»⁹⁴. Цена на годовой комплект «Ученых записок» была установлена для всех подписчиков в 15 рублей (плюс 5 рублей пересылка). А ведь Журнал министерства стоил 30 рублей. И хотя министр обязал все учебные заведения империи подписаться на новый университетский журнал⁹⁵, он был абсолютно нерентабельным и приносил университету убытки.

Единые «Ученые записки» для университетов

Уварову хотелось, чтобы «Ученые записки» российских университетов представляли их специфику как центров того или иного культурного локуса империи и одновременно обеспечивали общеевропейскую нормативность данного университета как научного и учебного института. Впрочем, министр не торопился с модернизацией и осуществлял ее пошагово.

Через год после начала издания «Ученых записок Московского университета» министерство заказало А.А. Краевскому анализ издательского рынка в стране. В духе возобладавшего во времена Уварова системного подхода автор выстроил иерархию журнальной продукции. В центр научного жанра он поместил публикации императорского Московского общества сельского хозяйства («Земледельческий журнал»), Главного Московского общества овцеводства («Журнал для овцеводов») и Общества для поощрения лесного хозяйства («Лесной журнал»). Вероятно, в таком почтении выразился интерес политической власти к камеральным наукам. Краевский выделил три преимущества названных журналов: широкий круг авторов («многими важными статьями, большей частью оригинальными русскими, доставленными от помещиков, членов, корреспондентов и сотрудников общества»), практическая ориентация публикуемых исследований («иногда они указывают ошибки и неудачи

⁹³ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4564. Л. 10.

⁹⁴ Там же Л. 15.

⁹⁵ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 191. Л. 2.

других хозяев, объясняя, что именно вредно и почему, и какие средства должно употреблять для избежания или врачевания вреда»⁹⁶ и изложения «лучших иностранных книг»⁹⁷.

На пятом месте в рейтинге находились «Ученые записки Московского университета». Краевский писал о «полезнейшем» характере только что учрежденного издания. Он заключался в том, что статьи были результатами оригинальных исследований московских ученых или их лекциями. «Лекции, в них печатаемые, – утверждал обозреватель, – свидетельствуют, в каком виде там преподается каждая наука и в каком значении она принимается; показывают меру знаний преподавателя, а взятые как статьи журнальные, тщательно обрабатываемые в отношении к слогу, доставить всякому приятное и наставительное чтение»⁹⁸. Краевский назвал «Ученые записки Московского университета» «редким явлением в нашей журналистике»⁹⁹ и рекомендовал остальным университетам «сделаться известными подобными полезными предприятиями, усиливающими доверие отечества к талантам профессоров, коим оно вручило лучшую свою надежду – образование юношества»¹⁰⁰.

Не обошел молчанием аналитик издания прочих университетов. Так, он сообщил читателям, что «"Казанский вестник" издается с 1821 года учрежденным при Казанском университете издательным комитетом [...] включает в себе разные сочинения и переводы для распространения полезных сведений»¹⁰¹. Что касается «Прибавлений» к нему, то «для чиновников Казанского учебного округа, – уверял Краевский, – они с выгодой заменяют собою "Ведомости" столичные, потому что обходятся гораздо дешевле. Сверх вышесказанных известий, в них помещаются разные местные, и собираются многие материалы для истории просвещения в Казанском округе»¹⁰².

Общей слабой стороной местных университетских изданий Краевский считал их публицистический характер, отсутствие специализации. Похоже, что публицист был осведомлен о решении властей в отношении всех этих газет и журналов и выполнял вполне определенный заказ. Если это

⁹⁶ Обзорение русских газет и журналов А. Краевского // ЖМНП. 1834. Т. 1. Отд. VI. С. 454.

⁹⁷ Там же. С. 455.

⁹⁸ Там же. С. 457–458.

⁹⁹ Там же. С. 458.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.

так, то министерство Уварова пользовалось не только силой закона и административными ресурсами, но и «третьей властью» – журналистикой – для того, чтобы преодолеть сопротивление местных университетских обществ, их упорство в отстаивании своих локальных изданий.

В сборниках постановлений и распоряжений по ведомству народного просвещения нам не удалось обнаружить законодательные акты, обязывающие университеты издавать «Ученые записки». Но в делах канцелярии казанского попечителя имеется отпечатанное типографским способом циркулярное письмо С.С. Уварова от 17 июня 1833 года. В нем министр сообщал казанскому совету, что «императорский Московский университет для большего распространения сведений об успехах, и совершенствованию наук, предпринял, *по моему предложению*, повременное издание под заглавием: “Ученые записки”»¹⁰³.

Желаемое министром издание должно было выходить ежемесячно по семь-восемь печатных листов с фиксированной продажной ценой («в Москве двадцать рублей; с пересылкою в другие города, двадцать пять рублей, а для учебных заведений всех русских университетов, пятнадцать рублей ассигнациями»). Профессорские советы должны были сотрудничать только с теми книгопродавцами, которых им рекомендовало министерство («подписка на сие издание принимается в Москве у комиссионера Московского университета Ширяева, а в Санкт-Петербурге у Смирдина; сверх того в почтамтах и во всех почтовых конторах»). Задачи «Ученых записок» состояли «в сообщении полезных знаний в области ума, природы и искусства; в рассматривании отличнейших произведений словесности иностранной и в особенности отечественной; в извещении о новых ученых исследованиях и открытиях»¹⁰⁴.

В связи с этим университетам предстояло либо закрыть свои прежние издания, либо дополнить их еще одним. Обычно действующие согласованно и заодно попечитель и ректор Казанского университета решили отказаться от «Казанского вестника» и приступить к новому изданию. В связи с этим Лобачевский весьма скептически стал оценивать прежнее издание: «Сиротский наш “Вестник”, – писал он попечителю, – авось будет лучше, потому что мы хоть насильно делаем его известнее, рассылая даром»¹⁰⁵. Он считал, что теперь замкнутое на самоописании учеб-

¹⁰³ НА РТ. 92. Оп. 1. Д. 3945 «По предложению г. попечителя Казанского учебного округа об издании при Казанском университете ученого журнала вместо “Казанского вестника”», 1833. Л. 78.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Письмо Н.И. Лобачевского М.Н. Мусину-Пушкину, 15 января 1829. С. 612.

ного округа издание не может выдержать конкуренции со столичными журналами. «Может быть, – надеялся ректор, – с уставом учебных заведений, с отчуждением Сибири, а в особенности с Уставом университетов дозволено будет профессорам более заниматься ученостью и снискивать славу на сем поприще, а не в канцеляриях и с отчетами»¹⁰⁶. Он считал необходимым посвятить университетский журнал публикациям научных результатов выдающихся ученых, оценивать их качество по шкале мировой науки и не принимать к изданию провинциальные статьи любительского уровня.

Однако казанские профессора были иного мнения. В архивном фонде попечительской канцелярии есть предписание Мусина-Пушкина ректору Лобачевскому¹⁰⁷ и черновик мемории совета университета¹⁰⁸, которые зафиксировали ход обсуждения и аргументы сторон на профессорском совете.

Попечитель настаивал на закрытии «Вестника», который, как он считал, «содержанием своим не возбуждает любопытства читателей». Теперь генерал был убежден, что местное издание неверно сориентировано. «“Вестник Казанский” должен быть не литературным, но ученым журналом, – внушал он подчиненным. – Столичные литературные журналы всегда будут иметь преимущество перед журналом такового же содержания издаваемым здесь [...]. Напротив, учеными статьями “Казанский вестник” может быть весьма богат и весьма любопытен и полезен для всей России, особенно Восточной, если все гг. профессора университета примут участие в составлении оного и сим каждый из них доставит в редакцию журнала несколько хорошо обработанных по своей части статей заключающих или новый взгляд на ученый предмет или лучшее оного изложение, или разбор книг изданных в Западной Европе и по сво-

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ См.: НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3943. «О преобразовании “Казанского вестника” в его издании под названием “Ученых записок”», 1833. Л. 4–5 об.; впервые опубликовано: Н.И. Лобачевский: Научно-педагогическое наследие. Руководство Казанским университетом. Фрагменты. Письма / редкол. П.С. Александров (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1976. С. 417.

¹⁰⁸ См.: НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3943. Л. 3–4 об.; впервые опубликовано в статье: Лихачев Н.П. «Казанский вестник»: история создания и указатель содержания // Книговедение. 1894. Т. 11–12. Приложение № 57. С. 106–107. Опубликовано также: Н.И. Лобачевский: Научно-педагогическое наследие. Руководство Казанским университетом. Фрагменты. Письма / редкол. П.С. Александров (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1976. С. 410–411.

ему ученому содержанию особенному замечательных, но еще в России мало известных»¹⁰⁹.

Судя по сохранившимся протоколам совета, обсуждение судьбы университетского издания было бурным и потребовало трех заседаний¹¹⁰. Профессоров устраивало качество их журнала. Им явно не хотелось ввязываться в новое предприятие, требовавшее больших и бескорыстных усилий и дополнительных расходов. Несмотря на уверения ректора, что «Вестник» – «журнал, занимательный не для всех и можно сказать, не в духе времени»¹¹¹ не нужен университету, совет остался при том мнении, что стоит сохранить «план издания с 1832 года, [который] заслуживает одобрения (вместо зачеркнутого «совершенно соответствует» – *Р. Г., К. И.*), но обратить [...] особенное внимание нужно на ту часть, которая печатается под собственным [...] названием “Казанского вестника”, и которой издание весьма замедляется и доказывает по своему содержанию недостаток в собираемых ученых (слово вписано над строкой. – *Р. Г., К. И.*) статьях. Она довольно служит для распространения просвещения, заключая в себе сведения о новых открытиях и об успехах в науке (слово вписано над строкой вместо зачеркнутого «науках». – *Р. Г., К. И.*)¹¹². В этом документе примечательным является замена термина «науки» на общее понятие «наука» и представление ее как самоценности.

После долгих препирательств профессора решили пойти на компромисс с начальством и «продолжать издание “Казанского вестника” в трех частях, как и в последнее время его, а именно: одну часть “Казанский вестник”, которая будет составляться в том же виде, в каком печатались “Прибавления к «Казанскому вестнику»”, другую часть Начальственные распоряжения и третью часть под названием “Ученых записок Казанского университета”»¹¹³. Таким образом, одна часть «Вестника» изменила название и стала «Учеными записками».

Обстоятельства создания и выпуска «Ученых записок, издаваемых императорским Казанским университетом» (это официальное название журнала с 1834 до 1861 года; в данной статье используется сокращенное название – «Ученые записки Казанского университета») – научного жур-

¹⁰⁹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3943. Л. 4–4 об.

¹¹⁰ Там же. Л. 1.

¹¹¹ Лобачевский Н.И. Предисловие // Ученые записки, издаваемые императорским Казанским университетом. 1834. Кн. 1. С. III.

¹¹² НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3943. Л. 1 об.

¹¹³ Там же.

нала, имеющего более длительную историю, чем «Ученые записки Московского университета» – до сих пор не были предметом специального научного анализа. О нем в разной связи писали историки Казанского университета (М.К. Корбут, С.М. Михайлова, Ф.Ф. Нуреева), исследователи книжного дела (Н.Б. Парамонова), биографы казанских ученых, чиновников и преподавателей (А.В. Васильев, В.Ф. Каган, Р.Х. Галиуллина). Локальная перспектива способствовала тому, что ответ на вопрос о побудительных мотивах издания основывался исключительно на свидетельствах местного архива. Уязвимость полученного ответа состоит в том, что он не учитывает общей политики министерства С.С. Уварова. Плохо представляя его, казанские исследователи уязвляли появление «Ученых записок Казанского университета» либо с просветительской миссией местного университета на Востоке России (на востоковедные публикации «Ученых записок» указывали М.К. Корбут, Н.А. Мазитова, С.М. Михайлова, Н.Б. Парамонова); либо как инициативу выдающегося ученого, ректора университета Н.И. Лобачевского (А.В. Васильев, В.Ф. Каган). Большинство исследователей утверждали, что «Ученые записки, издаваемые императорским Казанским университетом» стали продолжением «Казанского вестника», а Ф.Ф. Нуреева видела его прототип в «Записках Вольного экономического общества»¹¹⁴.

Издание «Ученых записок Казанского университета» осуществлял «издательный комитет», состоявший из двух отделений. В одно входили представители универсальных наук, а в другое – представители наук о культуре (правоведение, словесность, история).

¹¹⁴ См.: Васильев А.В. Николай Иванович Лобачевский (1792–1856). М.: Наука, 1992; Галиуллина Р.Х. М.Н. Мусин-Пушкин – попечитель Казанского учебного округа: дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1997; Каган В.Ф. Великий русский ученый Н.И. Лобачевский и его место в мировой науке. М.-Л.: Гостехиздат, 1948; Корбут М.К. Казанский университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804/05–1925/30). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1930. Т. 1–2; Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX века). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1972; Михайлова С.М. Казанский университет и просвещение народов Поволжья и Приуралья (XIX век). : Изд-во Казанского ун-та, 1979; Михайлова С.М. Казанский университет в духовной культуре народов Востока России (XIX век). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1991; Нуреева Ф.Ф. Казанское экономическое общество в эпоху падения крепостного права в России: дисс... канд. ист. наук. Казань, 1979; Она же. «Не желая отстать от усовершенствований иностранных...» // Татарстан. 1993. № 5. С. 51–55; Парамонова Н.Б. Книгоиздательская деятельность Казанского университета в первой половине XIX века.: дисс. ... канд. филолог. наук. Л., 1977.

Казанский совет решил опубликовать в «Ученых записках» рукописи на трех языках: русском, французском и немецком¹¹⁵. Но, в отличие от прежних десятилетий, правила университетского издания создавались не профессорами. Теперь они были результатом трудного соглашения между профессорами, попечителем и министерскими чиновниками¹¹⁶. Во-первых, министерство отобрало у профессорского совета право назначать и смещать членов издательского комитета. Во-вторых, оно было против многоязычия в журнале. Русский язык обрел в те годы статус государственного языка. На нем должно было осуществляться делопроизводство и издание во всех государственных учреждениях империи, в том числе в университетах.

Профессора и попечитель придерживались в этом вопросе иного мнения. Тогда им удалось отстоять свою позицию и получить благодаря этому дополнительное средство репрезентации научной самости университетского сообщества. Параграф пятый (§ V) «Правил “Ученых записок Казанского университета”» гласил: «В “Ученых записках” печатаются статьи преимущественно на русском языке; дозволяется однакож помещать в оных статьи на французском или немецком языках, но статьи сии должны быть оригинальные сочинения, исключительно профессоров Казанского университета. Статьи на российском языке комитет принимает и от лиц к университету не принадлежащих»¹¹⁷. Министерству пришлось признать права и специфику академического языка. Исследователи в Ка-

¹¹⁵ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3943. Л. 2.

¹¹⁶ Мемория протокола совета университета, 18 ноября 1833 // НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3943. Л. 1–2 об.; Проект «Правил для издания при Казанском университете журнала под названием “Ученых записок”» [Подлинник], б.д. // НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3945. Л. 10–11 об.; «Правила для издания при Казанском университете журнала, под названием “Ученые записки”, утвержденные г. управляющим Министерством народного просвещения в предписании, 17 февраля 1834 года, № 1661 [Печатная форма] // Там же. Л. 14. Текст документа под некорректным названием «Правила для “Ученых записок”, составленные Лобачевским, 1834» был опубликован в сборнике документов, посвященном жизни и деятельности Лобачевского (см.: Н.И. Лобачевский: Научно-педагогическое наследие. Руководство Казанским университетом. Фрагменты. Письма / редкол. П.С. Александров (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1976. С. 418). Следует обратить внимание, что подобные «правила» – делопроизводственный документ и закрепления за ними авторства и авторского права невозможно. Проект «Правил для “Ученых записок”» был составлен советом университета, затем передан ректором попечителю, попечитель «Правила» дополнил и отредактировал.

¹¹⁷ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3943. Л. 8.

занском университете пользовались этим правом для того, чтобы быть прочитанными западными коллегами¹¹⁸.

Все преподаватели *обязывались* представлять в «Ученые записки» свои труды. Контроль над этим осуществляли ректор и попечитель. Такое требование сделало исследовательскую работу обязательной для университетского человека и поставило всех членов университета в зависимость от мнения и оценки членов издательного комитета.

Формировались «Ученые записки» из «подлинных сочинений», «всякого рода исследований, открытий, наблюдений, переводов», «разборов вышедших вновь сочинений и разных известий до наук относящихся». Для представителей целого ряда дисциплин они стали возможностью иметь право голоса, независимо от Академии наук. Ярким примером тому публикации по неевклидовой геометрии Н.И. Лобачевского. Известно, что академики агрессивно восприняли изобретение казанского ученого и вряд ли бы допустили его к публикации¹¹⁹. Поскольку самой интенсивно развивающейся дисциплиной в Казанском университете было востоковедение, то естественно, что вплоть до перевода восточного разряда в Санкт-Петербург (1854) «Ученые записки» имели явный крен в эту сторону.

Очевидно, структура «Казанского вестника» не соответствовала требованиям, которые министерство предъявляло к университетским изданиям. Впрочем, оно не спускало в университеты единой структурной рамки, предоставив в этом деле свободу местным советам. В результате вопросы о плане издания, его формате, структуре решались казанскими

¹¹⁸ Астроном И.М. Симонов опубликовал свои результаты в «Ученых записках» на французском языке: Симонов И. Recherches sur l'action magnétique de la terre // Ученые записки, издаваемые императорским Казанским университетом. 1840. Кн. 3. С. 65–112; кн. 4. С. 49–72; 1845. Кн. 2. С. 1–46.

¹¹⁹ Лобачевский Н. Понижение степени в двучленном уравнении, когда показатель без единицы делится на 8 // Ученые записки, издаваемые императорским Казанским университетом. 1834. Кн. 1. С. 3–88; Он же. Об исчезании тригонометрических строк // Там же. Кн. 2. С. 167–226; Он же. Воображаемая геометрия // Там же. 1835. Кн. 2. С. 3–88; Он же. Новые начала с полной теорией параллельных // Там же. Кн. 3. С. 3–48; 1836. Кн. 2. С. 3–38; Кн. 3. С. 3–50; 1837. Кн.1. С. 3–97; 1838. Кн.1. С. 3–124; Кн. 3. С. 3–65; Он же. Способ уверяться в исчезании бесконечных строк и приближаться к значению функций от весьма больших чисел // 1835. Кн. 3. С. 211–242; Он же. Применение воображаемой геометрии к некоторым интегралам // Там же. 1836. Кн. 1. С. 1–194; Он же. Значение некоторых определенных интегралов // Там же. 1853. Кн.4. С. 1–35; Он же. Пангеометрия // Там же. 1855. Кн.1. С. 1–56.

профессорами самостоятельно, но потом эти решения согласовывались с министерством.

Согласно плану издания, журнал намеревался представлять читателю «всякого рода исследования и открытия, наблюдения, переводы, разбор вышедших вновь сочинений и разные известия, до наук относящиеся»¹²⁰. Он не имел столь дробной структуры, как «Ученые записки Московского университета», соответственно, редакция не распределяла рукописи по дисциплинам. Она не предъявляла к авторам жестких требований в отношении количества и объема публикаций. Поэтому выпуски «Ученых записок Казанского университета» сильно разнятся по объему. Например, в первый номер за 1840-й год вошли: лекция П.С. Сергеева «Исторический взгляд на почтовое управление в России», две статьи преподавателя философии архимандрита Гавриила «Понятие об истории философии», профессора по кафедре арабского и персидского языков Ф.И. Эрдмана «Иродот заимствовал свое повествование о древней персидской истории из персидских источников»; один «Отчет о хирургической университетской клинике» профессора по кафедре общей и частной медицины П.А. Дубовицкого. А вторая и третья книжки «Ученых записок Казанского университета» за 1843 год были объединены в один том, в который вошел научный отчет одного автора – профессора по кафедре русской истории И.А. Иванова «Краткий обзор Русских временников, находящихся в библиотеках Санкт-Петербургских и Московских», «Общее понятие о хронографах и описание некоторых списков их, хранящихся в библиотеках Санкт-Петербургских и Московских».

Как правило, каждый выпуск «Ученых записок Казанского университета» завершался разделом «Смесь». В нем публиковались торжественные речи, демографические и метеорологические наблюдения, исторические обзоры учебных заведений округа. Но здесь же была опубликована статья профессора политической экономии И.Я. Горлова «Калмыцкое народонаселение в России».

Учитывая негативный опыт московских коллег, казанцы добились от министерства щадящего режима издания – один раз в три месяца¹²¹. А вот его стоимость поднять так и не удалось. Экземпляр «Ученых записок Казанского университета» стоил 15 рублей и 5 рублей обходилась пересылка в другие города¹²². Попечители должны были уведомить «все гим-

¹²⁰ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3943. Л. 8.

¹²¹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3945. Л. 36–76.

¹²² Там же. Л. 36.

назии и уездные училища», чтобы «выписывали для своих библиотек по крайней мере по одному экземпляру “Ученых записок” и начальственных распоряжений; а приходские по одному экземпляру начальственных распоряжений, доставляя деньги немедленно по рассылке объявления от издательного комитета»¹²³.

Получив такие предписания, директора училищ не испытали радости. Бюджет училищ не предполагал подобных расходов. Чтобы потратить средства на что-либо новое, требовалось специальное разрешение попечителя. Поэтому директора училищ Казанского учебного округа, почетные смотрители направляли в попечительскую канцелярию «ходатайства о разрешении употребить на сие» хозяйственные суммы «по недостатку штатной и по неимению других свободных сумм»¹²⁴. А попечители в свою очередь обращались к министру за разрешением на использование казенных средств. Таким образом, «Ученые записки» породили огромную по объему переписку.

Первый выпуск «Ученых записок, издаваемых императорским Казанским университетом», прошел презентацию на торжественном акте 26 августа 1834 года¹²⁵. Три экземпляра были переплетены в кожу: один направлен Уварову, а два других вручили ректору и попечителю¹²⁶. Только после этого профессорский совет решился отказаться от остальных частей «Казанского вестника»¹²⁷. «Ученые записки Казанского университета» выходили регулярно с 1834 по 1917 годы. Первым их редактором был ректор Н.И. Лобачевский. После него этот пост занимал ректор О.М. Ковалевский (при Лобачевском он был секретарем издательного комитета).

Из этой истории университетских изданий вытекают несколько выводов, касающихся групповой солидарности ученого сословия:

1. Учреждение ЖМНП как издания, отражающего научную политику власти, а также сети университетских журналов, репрезентирующих местное научное производство, изменило конфигурацию университетской культуры. Если в Александровскую эпоху такого рода издания служили общей просветительской цели в учебных округах, то есть были направ-

¹²³ Там же Л. 20–20 об.

¹²⁴ Там же. Л. 30.

¹²⁵ Там же. Л. 16.

¹²⁶ Ныне они хранятся в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки имени Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета.

¹²⁷ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3945. Л. 81–81 об.

лены на «распространение наук» среди широкого круга читателей, то в николаевское время назначение «Ученых записок» имело скорее контрольно-стимулирующие функции. Это был своего рода отчет каждого университетского сообщества о текущей исследовательской работе и о вкладе в развитие национальной науки. Исходя из такого видения журналов, министерство считало необходимым определять интенсивность, качество и содержание научных «отчетов».

2. Приоритетное финансирование столичных университетов, намеренная концентрация в них наиболее активных и профессионально подготовленных исследователей, а также надежды правительства на их лидирующую роль в развитии «русской науки» сделали Московский университет «жертвой» научно-издательской политики власти. Установленная министерством для его издательского комитета интенсивность издания, объем публикаций и научные стандарты оказались чрезвычайными в условиях, когда редакторская деятельность была сопутствующей, дополнительной к основной преподавательской и научной работе профессора. С момента назначения в 1833 и вплоть до отставки в 1836 году оба редактора – профессора Давыдов и Перевоицков – добивались отставки, выхода из издательского комитета. Пока управлением Московского университета занимался Голохвастов, выйти из редакторского рабства им не удавалось. Г.С. Строгонов, став попечителем округа, удовлетворил просьбу обоих редакторов, наградил их званиями «почетного профессора» и не стал принуждать кого-либо из профессоров продолжать бешеную издательскую гонку. В результате «Ученые записки императорского Московского университета» прекратили существование, а свои научные результаты московские профессора публиковали в «Московских ведомостях». Добытая таким образом «автономия» Московского университета сильно ухудшила взаимоотношения московского попечителя с министром С.С. Уваровым. Вновь «Ученые записки Московского университета» вышли в свет по инициативе историко-филологического и юридического факультетов только в 1881 году.

3. Казанский попечитель М.Н. Мусин-Пушкин жестко добивался от «своих» профессоров выхода «Ученых записок». Он лично присутствовал на заседаниях издательского комитета, заставлял ученых писать статьи в журнал, а учителей выписывать его. При этом «Ученые записки, издаваемые императорским Казанским университетом» были более гибкой формой научного отчета, чем «Ученые записки Московского университета», и более адаптированной к местным условиям формой универ-

ситетского издания. В результате административного патронажа, мягкой интенсивности, принудительной экономики и невысоких научных требований казанское университетское сообщество смогло выдержать заданный темп издания и регулярно представлять читателям результаты своего научного производства. В результате журнал просуществовал вплоть до революции и отражал те направления исследований, которые развивались в университете. Он не был тематическим, и, по всей видимости, не предъявлял университетскому сообществу высоких научных требований.

Описывая новому министру «мрачную картину» «постыдного застоя», поразившего университетскую науку, казанский ректор О.М. Ковалевский в 1855 году весьма скептически оценивал уровень казанских «Ученых записок»¹²⁸. «До сего времени, – писал он, – заседания университетского совета и факультетов ограничивались почти исключительно административными делами, формализмом, часто забывая существенное, т.е. ученое направление, жизнь чисто ученую, плодотворную для славы и пользы ученого сословия [...] Как постоянный редактор, в течение 20 лет, “Ученых записок, издаваемых Казанским университетом”, испытал я всякого рода затруднения при наборе статей, достойных напечатания»¹²⁹.

4. Таким образом, создание «Ученых записок» в российских университетах имело позитивную и негативную стороны. Официально их назначение состояло в унификации уровня университетского образования и исследовательской работы. Однако в реальности эти журналы способствовали изоляции университетских сообществ. Если раньше местные университетские издания публиковали в основном этнографические и краеведческие материалы, а результаты исследований универсальных наук и имеющие общероссийский охват гуманитарные исследования предоставлялись в столичные издания, то после учреждения «Ученых записок» и то, и другое стало монополией и представительством местного университета. Таким образом, исчезала почва для научной конкуренции, полемики и условий для формирования научных репутаций.

¹²⁸ ОР РНБ. Ф. 531 «А.С. Норов». Ед. хр. 390 «Письмо ректора Казанского университета О.М. Ковалевского министру народного просвещения А.С. Норову», Казань, 30 июня 1855. Л. 2, 3 об. Впервые опубликовано: Фролова С.А. «Почти все части нашего хозяйства ожидают улучшения»: О.М. Ковалевский и В.П. Молоствов о состоянии Казанского университета 150 лет назад // Эхо веков = Гасырлар авазы. 2007. № 1. С. 157–169.

¹²⁹ Там же. Л. 2 об., 3 об.–4.

Препринт WP6/2012/02
Серия WP6
Гуманитарные исследования

Галиуллина Руфия Хазибовна, Ильина Кира Андреевна

**«Ученые записки» ученого сословия
(первая половина XIX века)**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 2,9
Усл. печ. л. 2,8. Заказ № . Изд. № 1514
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»